Н. М. Омаров

ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОСТСОВЕТСКОМ КЫРГЫЗСТАНЕ

Начало 2004 г. ознаменовалось празднованием очередного юбилея в истории молодого независимого Кыргызстана. 10 лет назад, 21–22 января 1994 г., в Бишкеке состоялся 1-й курултай народа Кыргызстана, в ходе которого была выдвинута доктрина "Кыргызстан – наш общий дом" и создана Ассамблея народа Кыргызстана, объединившая представителей различных национально-культурных центров республики (Первый курултай 1996: 6–12). В ходе юбилейного заседания 4-го курултая Ассамблеи народа Кыргызстана, состоявшегося 29 января 2004 г., его участники отметили, что доктрина "Кыргызстан – наш общий дом", пройдя испытание временем, стала основой стабильного внутриполитического развития в республике¹.

Этот юбилей представляет повод в очередной раз оценить развитие этнической ситуации и ее влияние на миграционные процессы в постсоветском Кыргызстане. Несмотря на успехи, достигнутые в развитии межэтнического диалога в стране, ситуация в этой области далека от идеальной. Об этом свидетельствует несовершенство нормативно-правовой базы в области межнациональных отношений, сохранющаяся непростая ситуация в южных областях республики, где проживает около 600 тыс. узбеков, и др. Кыргызская Республика остро нуждается в обновленной стратегии этнического развития, способной полноценно защитить как интересы многонационального народа Кыргызстана, так и отдельной личности, составляющей его основу. С конца 70-х годов XX в. основное значение в мире приобретают стихийные потоки вынужденной миграции. Эта тенденция находит яркое выражение в странах СНГ. Так, с 1989 по 1995 г. только на территории Центральной Азии переместилось около 4,2 млн чел., или каждый двенадцатый житель региона (Центральная Азия 1996: 8–9). Этот процесс в полной мере затронул Кыргызстан.

До середины XIX в. для коренного населения Кыргызстана была характерна относительно низкая подвижность (Проблемы 1997: 21). Эта картина меняется радикальным образом с 60-х годов XIX в., когда на территорию Кыргызстана начинается массовое переселение русских, украинцев, немцев и представителей других национальностей из внутренних областей России. В целом по Центральной Азии (включая Семиречье), по оценке П.П. Семенова-Тян-Шанского, перед Первой мировой войной численность русских составляла около 500 тыс. чел. (Зайончковская 1996: 43) Наиболее мощная волна русской экспансии была связана с хозяйственным строительством и урбанизацией в условиях, когда местное население не обладало ни соответствующими навыками, ни необходимым уровнем социальной мобильности (Там же). Следует отметить также наличие немногочисленной волны переселенцев из районов Внутреннего Китая. Это были преимущественно дунгане, бежавшие из Китая после восстания 1878–1879 гг. и основавшие в последней четверти XIX в. ряд поселений в северной части Кыргызстана.

Одним из основных следствий массовой иммиграции в Кыргызстан становится преодоление присущей ему ранее территориальной изолированности, резкие изменения в социальном и экономическом укладе жизни. Интернационализация производства после Октябрьской революции 1917 г. привела к еще большему расширению миграций русскоязычного населения в Кыргызстан. В результате доля корен-

Нур Мэлсович Омаров – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Кыргызско-Российского Славянского университета.

ного населения Кыргызстана сократилась с 68% в 1926 г. до 52% в 1939 г. и до 40,5% в 1959 г. (Проблемы 1997: 21–22). В целом же по Центральной Азии к 1959 г. численность пришлого населения и его потомков достигла 3,7 млн чел., что составило более четверти ее населения. Среди них на долю русских пришлось 60% (Зайончковская 1996: 44). Высокий миграционный приток в Киргизскую ССР, связанный с интенсивным освоением природных ресурсов и ростом ее производственной базы, отмечается вплоть до начала 1970-х годов. По разным данным, цифра прибывших в Кыргызстан с 1960 по 1970 г. составляет от 125, 9 до 159,8 тыс. чел. (Зайончковская 1996: 45; Проблемы 1997: 22–23). По материалам Переписи населения 1970 г., Кыргызстан занял второе место по интенсивности иммиграции в республику среди остальных союзных республик, уступив в этом лишь Казахстану.

Однако начиная с 1970-х годов, увеличение числа национальных кадров в сфере промышленности и образования постепенно сужает нишу для потенциальных иммигрантов. В 1970-е годы начинается процесс оттока населения из Кыргызстана. С 1970 по 1990 г. отрицательное сальдо миграции населения составило 284,6 тыс. чел. При этом среди покинувших республику в 1979–1989 гг. доля коренного населения и русских примерно одинакова – по 38% от общего количества выехавших. За этот же период количество кыргызов, постоянно проживающих в России, увеличилось в 2,8 раза, на Украине – в 2 раза, в Казахстане – в 1,6 раза (Проблемы 1997: 23–24).

Таким образом, отток населения из Кыргызстана начался уже почти три десятилетия назад. Обусловлено это было комплексом причин: высоким приростом населения в республике, политикой переориентации миграционных потоков в Советском Союзе с южных регионов страны на восточные, традиционно высокой миграционной активностью русскоязычного населения.

Новый этап в формировании миграционной системы Кыргызстана начинается со второй половины 1980-х годов. В связи с ростом кризисных явлений в системе государственного управления и экономике СССР резко увеличились масштабы миграций (Омаров 1998: 327; Омаров и др. 1998: 48). Распад Советского Союза в 1991 г. и обретение независимости государствами Центральной Азии повлекли за собой необходимость быстрой интеграции новых государств в международное сообщество и, соответственно, выработки приоритетов развития внутренней и внешней политики, в том числе в вопросах миграционной политики.

Автором предложена оригинальная периодизация миграционных процессов с момента обретения Кыргызской Республикой независимости (*Омаров* 2001: 87).

Первый этап (1991 – первая половина 1994 г.) характеризуется резким возрастанием кризисных явлений в социально-экономической сфере развития страны и отсутствием четкой миграционной политики в Кыргызской Республике. Это привело к обвальному росту миграций, в частности миграций русскоязычного населения за пределы республики, а также к усилению внутренних перемещений коренного населения.

С 1991 по 1994 г. республику покинуло 389,859 тыс. чел. против 106,952 тыс. прибывших. Таким образом, миграционная убыль за рассматриваемый период составила 282,907 тыс. чел. (т.е. за четыре года она почти сравнялась с аналогичным показателем предшествующих двадцати лет). Пик этого процесса пришелся на 1993 г., когда республику покинуло около 144 тыс. чел. Миграционный обмен в первую очередь происходил с Россией, на долю которой пришлось свыше 60% эмигрантов из Кыргызстана (Проблемы 1997: 24). 17,5% мигрантов выехали на постоянное место жительства в страны дальнего зарубежья (преимущественно Германию и Израиль). Среди эмигрантов большинство составляло русскоязычное население. Отдельную группу составили представители депортированных народов, возвращавшиеся на ис-

торическую родину – немцы и крымские татары. В 1991–1994 гг. республику покинуло около 15 тыс. крымских татар (Обзор 1998).

В оценке миграций начала 1990-х годов имеются две точки зрения. Согласно одной, наряду с "традиционной" миграцией (переезд по экономическим причинам, в связи с учебой, браком и т.п.), в этот период широко распространились миграции иного рода, связанные с невозможностью реализации своих гражданских прав, опасением за свою жизнь и жизнь близких вследствие возможных межэтнических конфликтов (Рыбаковский 1996: 72–73; Пядухов 1996: 132; Панарин 1999: 30–78). Сторонники противоположной точки зрения считают, что миграция в новых условиях принципиально не отличалось от существовавшей ранее, имея преимущественно экономический характер (Куандыков 1995: 140).

Трудно признать абсолютную правоту за представителями каждой из этих точек зрения. Следует лишь отметить, что, несомненно, всплеск нерегулируемой миграции населения в бывших советских республиках был порожден целым комплексом причин. Качественные изменения, происшедшие за последние десятилетия в характере миграционных процессов, в странах СНГ, как и во всем мире, существенно затрудняют различение мотиваций потенциальных мигрантов в их стремлении поменять место жительства и уравнивают традиционные определения категорий беженцы и экономические мигранты в рамках существенно расширившегося в современном толковании понятия вынужденная миграция. В полной мере это касается миграционной ситуации в Кыргызской Республике в 1991-1994 гг., когда основными мотивами к миграции за пределы республики были наложившиеся друг на друга факторы резкого экономического ухудшения положения большинства русскоязычного населения (массовое закрытие промышленных предприятий и экономическая "бесперспективность" республики), утраты привычного доминантного положения в обществе в сочетании с надеждой на его восстановление в пределах "исторической родины". Фактор наложения друг на друга нескольких мотиваций мигрантов в той или иной степени признается и другими исследователями (Витковская 1996: 120-121; Космарская 1999: 207–208).

Конечно, невозможно отрицать этнократический характер политики новых элит государств Центральной Азии как следствие принявшей уродливые формы национальной политики в СССР. Но в разных государствах он проявлялся по-разному. Принятие парламентом Кыргызстана в 1992—1993 гг. ряда законов, "подогревая" градус бытового национализма, подтвердило наихудшие опасения русскоязычного населения. Однако националистический угар, царивший тогда в парламенте Кыргызстана, не был поддержан президентом и правительством, благодаря чему этнократизм все-таки не стал основой государственной политики². Этому способствовало трезвое осознание того факта, что массовый исход русскоязычного населения грозит неминуемой политической и социальной катастрофой молодому независимому государству. Создание в январе 1994 г. Ассамблеи народа Кыргызстана, принятие ряда Указов президента Кыргызской Республики в 1994 г. и дискриминационная политика, встречавшая переселенцев в ряде российских регионов, способствовали затуханию начиная с 1994 г. данного типа миграционных перемещений.

Другой отличительной особенностью первого этапа явился резкий неконтролируемый рост внутренней межобластной миграции в Кыргызстане. Отсутствие надежной статистической базы не позволяет привести точные цифры. Можно лишь предположить, что количество внутренних мигрантов в 1991–1994 гг. достигло, как минимум, нескольких сотен тысяч человек. В процесс внутренних перемещений на начальном этапе было вовлечено, главным образом, титульное кыргызское население, тем самым как бы компенсируя недостаток своей внешней миграционной активности.

Внутренние перемещения населения в Кыргызстане в 1991—1994 гг. были вызваны резким ухудшением социально-экономического положения населения республики в удаленных областях и ростом числа экологически неблагополучных зон. Вследствие этого происходит массовый исход сельского населения в центральные районы Кыргызстана, приведший к серьезным изменениям в территориальном размещении групп населения внутри республики. Коренное население, ранее проживавшее в удаленных районах, заполняет нишу, освободившуюся в результате оттока русскоязычного населения из Чуйской обл. и г. Бишкек. Обилие мигрантов из сельской глубинки и их нежелание изменять привычным для них поведенческим нормам стало причиной процесса реурбанизации в Кыргызстане, характеризующегося привнесением сельского быта и традиций в города. В крупных городах республики возникли две существенно различающиеся категории населения, вынужденные тесно общаться друг с другом, что, в свою очередь, стало фактором социального риска, обусловливающим повышенный конфликтогенный потенциал внутренней миграции.

Кроме того, в Кыргызской Республике в 1993 г. появляются первые официально зарегистрированные беженцы – из Таджикистана, Афганистана, Грузии, Молдовы и др. Присутствие беженцев на территории страны, несмотря на их незначительное количество, создало определенное напряжение для формирующейся миграционной системы (Преступность 1998: 8).

Всего численность населения республики на конец 1994 г. составила 4 млн 429,9 тыс. чел., увеличившись по отношению к 1989 г. за счет естественного воспроизводства лишь на 192,206 тыс. чел. (Уровень 1996: 17). Численность кыргызов составила 2 млн 595,7 тыс. чел. (58,5%, или + 6,3%), русских – 756,3 тыс. чел. (17%, или – 4,5%), узбеков – 613,6 тыс. чел. (13,8 %, или + 0,9%). Рост коренного населения республики происходил за счет естественного прироста и реэмиграции из других стран СНГ (Там же: 18).

Таким образом, основным показателем начального периода формирования миграционной политики постсоветского Кыргызстана стал активный рост нерегулируемых передвижений населения как внутри, так и за пределы республики. Они были порождены крайне болезненными процессами трансформации общества, а позднее и сами выступили в качестве фактора, создавшего дополнительную нагрузку на сферу социальной, экономической и общественной безопасности государства.

На втором этапе (со второй половины 1994 г. по настоящее время) происходит стабилизация миграционной ситуации в республике, проявившаяся в сокращении внешней миграции.

Не в последнюю очередь это было обусловлено выработкой основ миграционной политики Кыргызстана, включая создание системы органов, призванных реализовать ее на внутреннем и международном уровне и регулирующих перемещения населения. Осознание угроз, проистекающих из хаотического развития процессов миграций для национальной и региональной безопасности, заставило руководство республики предпринять ряд безотлагательных мер. При помощи авторитетных международных организаций (Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, Международная Организация по миграции, Международная Организация Труда) правительству удалось в сравнительно короткие сроки создать основанную на передовых мировых стандартах нормативно-правовую базу в области миграции, реализуемую в настоящий период времени усилиями Департамента миграционной службы при Министерстве иностранных дел Кыргызской Республики и других ведомств. В ее основу положены законы "О беженцах", "О внешней миграции" и др., исполнение которых регулярно контролируется парламентом Кыргызстана. Отдельно должно быть отмечено законодательное закрепление в декабре 2001 г. за русским языком статуса официального и языка межнационального общения в республике. Учитывая транснациональный характер проблемы, в 1995-2003 гг. были предприняты активные ме-

 Таблица

 Динамика этнодемографических изменений в Кыргызстане в межпереписной период (1989–1999 гг.).

Националь- ность	Численность населения, тыс. чел.			Удельный вес в общей численности населения, %		
	1989 г.	1995 г.	1999 г.	1989 г.	1995 г.	1999 г.
Кыргызы	2229, 6	2656,1	3128,1	52,4	59,7	64,9
Узбеки	550,09	625,4	664,9	12,9	14,1	13,8
Русские	916,5	720,0	603,1	21,5	16,2	12,5
Украинцы	108,02	75,7	50,4	2,5	1,7	1,0
Немцы	101,3	26,1	21,4	2,4	0,6	0,4
Корейцы	14,4	16,5	19,7	0,4	0,4	0,4
Другие	337,8	330,9	335,7	7,9	7,3	7 7 7
Всего	4257,7	4450,7	4822,9	100	100	100

ры по развитию сотрудничества в области миграционной политики в Центральной Азии и СНГ. Как пример успешной политики в этом направлении следует оценить результаты последней по времени 4-й встречи Иссык-Кульского диалога по миграционной политике стран Центральной Азии, Кавказа и соседних государств, состоявшейся 28–29 января 2004 г. в Бишкеке. Ее решения направлены на облегчение положения беженцев и трудовых мигрантов, противодействие нелегальной миграции и торговле людьми (Предварительное заключение 2004).

Таким образом, первой характеристикой современного периода является переход к полноценному регулированию миграционных процессов в Кыргызстане, следствием чего стало значительное сокращение в 1995–2003 гг. числа граждан, выезжающих за пределы республики на постоянное место жительства. Этому способствовала также относительная, по сравнению с предшествующим, кризисным периодом, стабилизация в социально-экономической сфере.

К настоящему времени в республике проживает немногим более 5 млн. чел. С 1995 по 2002 г. страну покинуло 210,1 тыс. чел. и прибыло 80,542 тыс. чел, т.е. миграционная убыль составила 129,558 тыс. чел. Основным миграционным партнером, как и ранее, остается Россия, в которую выехало около 60% от общего числа мигрантов³. Точные данные по итогам внешней миграции за 2003 г. пока отсутствуют. Можно лишь предположить сохранение тенденции последних лет превышения выезда над въездом в примерном соотношении 30–32 тыс. чел. выехавших против 4–5 тыс., въехавших в страну. Основным источником воспроизводства населения в республике, как и ранее, остается естественный прирост.

Изменения в этнодемографическом составе населения республики показаны в табл. 1^4 .

Одновременно со стабилизацией неконтролируемой эмиграции большее значение приобретают другие направления миграций, формирование которых происходило на начальном этапе. В 1995–2003 гг. на первый план вышли внутренняя ("маятниковая") и внешняя трудовая миграция. По различным оценкам, "маятниковая" миграция в республике в настоящее время охватывает около 700–800 тыс. чел. в год. При этом, если ранее в процессы внутренней миграции была вовлечена преимущественно молодежь, как более социально мобильная категория населения, то теперь в ней участвуют представители практически всех социальных и половозрастных групп коренного населения Кыргызстана (Анализ 2003).

Рост экономических миграций обусловлен сохраняющимися трудностями в социально-экономическом развитии отдаленных регионов страны, вследствие чего все большее число людей покидает их, перебираясь в г. Бишкек и Чуйскую долину, или же выезжают на временные заработки в Россию и Казахстан. Незначительное коли-

чество граждан страны работает в странах дальнего зарубежья, преимущественно в Германии, Франции, США и Израиле. Помимо возрастающей нагрузки на социальную сферу центральных областей республики и растущей криминализации в обществе, внутренние миграции имеют прямым негативным следствием запустение приграничных районов, ряд из которых уже подвергается "ползучей экспансии" со стороны соседних перенаселенных областей Казахстана, Таджикистана, Узбекистана. Не менее острой проблемой остается и сохраняющийся высокий прирост трудоспособного населения в республике (особенно среди кыргызов), ежегодно "выталкивающий" за пределы страны десятки тысяч человек. Вследствие этого за минувшие годы в Сибири и на Урале сформировалась значительная многонациональная группа выходцев из Кыргызстана, охватывающая до 500 тыс. чел. Большинство из них занято в сфере неквалифицированного труда или посреднической торговли на семейной основе. Их интересы защищают как государственные органы Кыргызстана (в августе 2001 г. в Екатеринбурге открыто Генконсульство Кыргызстана), так и представители 8 неформальных общественных объединений трудовых мигрантовкыргызстанцев (Мекендештер 2004: 22-23). Значительным шагом вперед стало подписание 23 сентября 2003 г. соглашения между Кыргызстаном и Россией о социальных гарантиях и иных преференциях для трудовых мигрантов из Кыргызстана⁵, особенно актуальное в свете ожидаемого в ближайшие годы, как минимум, полуторакратного роста числа трудовых мигрантов из Кыргызстана в Россию. Более тяжелая ситуация складывается в аналогичных отношениях с Казахстаном, где, по неофициальным данным, в сфере сельского хозяйства ежегодно занято около 5 тыс. приезжих из южных областей Кыргызстана. Отсутствие необходимой нормативноправовой базы превращает трудовых мигрантов-кыргызов в заложников ежедневного произвола как со стороны криминальных группировок, осуществляющих "экспорт" трудовой силы, так и отдельных нечистоплотных представителей государственных органов Казахстана⁶.

Относительно благополучной выглядит ситуация с беженцами, находящимися на территории республики. Окончание гражданской войны в Таджикистане (основной стране-доноре) и репатриация при помощи Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев значительного количества таджикских беженцев на родину позволили сократить их число в Кыргызстане с 16,707 тыс. чел. в 1996 г. до 7,501 тыс. чел., официально зарегистрированных на 1 января 2004 г. (Сведения 2004). Эта тенденция, по-видимому, сохранится и далее. Правительство республики предпринимает усилия по социальной поддержке беженцев. Определенные проблемы для сотрудников миграционных служб создают нелегальные мигранты из Афганистана, Пакистана и Шри-Ланки, использующие территорию Кыргызстана как транзитную зону в последующем перемещении в страны СНГ и дальнего зарубежья. Но число их не настолько значительно (в пределах нескольких тысяч), чтобы оказать серьезное дестабилизирующее влияние на ситуацию в стране.

Отдельно следует отметить меры, предпринимаемые для содействия возвращению кыргызов на историческую родину. В августе 2001 г. при Министерстве иностранных дел Кыргызской Республики был создан Фонд помощи переселенцам-кыргызам. Следует отметить, однако, что из-за малочисленности кыргызов в странах дальнего зарубежья и нехватки финансовых средств эта работа ведется пока недостаточно интенсивно.

Можно предположить, что современные тенденции в развитии миграционных процессов в Кыргызстане вряд ли претерпят сколько-нибудь серьезные изменения до 2010 г. Однако значимые коррективы в это может внести такой фактор, как нахождение республики в зоне "дуги нестабильности", угрожающей населению республики актами насилия со стороны международного терроризма и исламского радикализма, что способно спровоцировать новый серьезный исход русских из Кыр-

гызстана. В качестве главного движущего мотива в данном случае выступает имеющее определенные основания опасение за свою жизнь и судьбу близких. Это подтверждается хоть в целом и незначительным, однако имеющим место увеличением числа выезжающих из республики в начале 2000-х годов после вторжения на территорию республики боевиков Исламского движения Узбекистана из Афганистана летом 1999–2000 гг.

Вследствие этого особое внимание со стороны государственных органов, общественных и международных организаций должно быть уделено положению внутренних экономических мигрантов и трудовых мигрантов, регулярно выезжающих за пределы Кыргызстана, а также проблеме нелегальной миграции на/через территорию Кыргызстана. Для нормализации миграционной ситуации требуются меры по сокращению бедности и преодолению депрессивного характера развития в удаленных областях Кыргызстана. Не менее важно и эффективное сотрудничество Кыргызской Республики в области миграции с государствами СНГ и международными организациями (Отчет 1996: 22–23; Материалы 2000).

Следует отметить также незавершенность демократических преобразований в сфере этнического развития. В частности, критике со стороны международной общественности подвергается преобладание представителей "титульной" нации в органах исполнительной и законодательной власти Кыргызской Республики, в котором видят проявление сознательной политики этнократизма, направленной на ограничение доступа "новых этнических меньшинств" к экономическим и политическим рычагам управления государством.

Оставляя вопрос о справедливости этой критики за рамками статьи, хотелось бы предложить свое видение тех мер, которые могут способствовать повышению межэтнической солидарности и стабильности внутри нашего многонационального общества. Необходимо скорейшее принятие концепции этнического развития и соответствующего закона, обеспечивающего правовую основу ее реализации (Богатырев 2003: 36-41; Омаров 2003: 43). В нем должны быть заложены приоритеты государственной политики Кыргызстана в сфере межнациональных отношений, определены правовые гарантии для всех народов Кыргызстана на свободное и равное развитие, выработаны формы и методы государственной поддержки этническим меньшинствам. По существу, это означает правовое закрепление долговременной стратегии развития полиэтничного общества республики. В законе должен быть также определен действенный механизм его реализации, в которой обязаны принять активное участие все органы власти Кыргызской Республики. Предлагаемый закон не должен носить "верхушечный", внедряемый насильно сверху характер, чтобы не вызвать у коренного населения представления об ущемлении его прав. Напротив, гражданское общество Кыргызстана должно сыграть важную роль в формировании новой этнической политики и стать общественным форумом в обсуждении связанных с этим проблем. Данный вывод подтверждается острыми публичными дискуссиями по поводу новой редакции Закона "О государственном языке", развернувшимися в Кыргызстане осенью 2003 – зимой 2004 г. Именно активная роль гражданского общества в лице ряда депутатов парламента и неправительственных организаций позволила убрать из этого Закона этнократические "пассажи", ущемлявшие права других народов. Необходима также публикация ежегодного отчета омбудсмена – уполномоченного по правам человека в Кыргызской Республике – о состоянии межэтнических отношений в республике. Эти меры позволят избежать этнического конфликта в республике, создадут гарантии достойного и безопасного развития всех народов, включающие в себя право защиты их культурной и этнической идентично-СТИ. Они но вероин и больот эжерим и путры на выбыто эте и туп и оно и на выдат путрочных

Особого внимания требует проблема взаимоотношений кыргызского народа как "новой" титульной нации с другими народами республики. Доминирующее положе-

ние, которое кыргызы получили в Кыргызстане после распада СССР, возлагает на них особую ответственность: история полна примеров, когда неправильное понимание доминирующим народом своей роли приводило к трагическим последствиям.

Думается, что именно такого рода сбалансированный подход лучше всего отвечает долгосрочным стратегическим интересам Кыргызстана и повышению его международного авторитета как молодого демократического государства, ставящего своей целью защиту прав всех своих граждан вне национальных и иных признаков.

Примечания

¹ В Бишкеке состоялся четвертый курултай Ассамблеи народа Кыргызстана – www.ka-

bar.kg/2004/01/30.

² Стоит отметить, что оценка отдельными исследователями (*Пядухов* 1996: 132–133) основных атрибутов нового государства, создание которых было востребовано объективными нуждами начального этапа национально-государственного строительства, как "элементов этнократизма" представляется необоснованным.

³ Расчеты произведены путем сопоставления данных следующих источников: Население

2000; Демографический ежегодник 2003.

⁴ Составлено по: Омаров 2001.

⁵ Дни кыргызской культуры в Москве (к итогам визита президента Кыргызстана А. Акаева в Российскую Федерацию) – www.prespress.kg/2003/09/25.

⁶ Рабы из Кыргызстана на табачных плантациях Казахстана – www.vb.kg.

Источники и литература

- Анализ 2003 Анализ состояния и перспектив внутренней миграции в Кыргызской Республике // Текущий архив Жогорку Кенеша (парламента) Кыргызской Республики, 2003.
- *Богатырев* 2003 *Богатырев В.* Десять тезисов этнической политики // Этнический мир. 2003. № 19.
- Витковская 1996 Витковская Г. Миграционное поведение нетитульного населения в странах Центральной Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / Московский Центр Карнеги. Вып. 11. М., 1996.
- Демографический ежегодник 2002 Демографический ежегодник Кыргызской Республики (1998–2002 гг.). Бишкек, 2003.
- Зайончковская 1996 Зайончковская Ж. Исторические корни миграционной ситуации в Средней Азии // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / Московский Центр Карнеги. Вып. 11. М., 1996.
- Космарская 1999 Космарская Н. Хотят ли русские в Россию (Сдвиги в миграционной ситуации и положении русскоязычного населения в Киргизии) // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. М., 1999.
- *Куандыков* 1995 *Куандыков А*. Феномен миграции: кто и почему уезжает из Казахстана // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. 1995. № 6–7.
- Материалы 2000 Материалы первой встречи Иссык-Кульского диалога по миграционной политике стран Центральной Азии, Кавказа и соседних государств (15–19 мая 2000 года, г. Чолпон-Ата) // Текущий архив представительства Международной организации по миграции в Бишкеке, май 2000. Инв. № 45.
- Мекендештер 2004 Мекендештер куттук айтат // Замандаш. 2004. № 1.
- Население 2000 Население Кыргызстана. Итоги первой Национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года в таблицах. Кн. 2. Ч. 1. Бишкек, 2000.
- Обзор 1998 Обзор миграционной ситуации в Кыргызской Республике за 1991—1997 гг. и 9 месяцев 1998 г. // Текущий архив Департамента по миграции населения при Министерстве Труда и Социальной Защиты Кыргызской Республики, сентябрь 1998. Инв. № 35.

- Омаров 1998 Омаров Н. Миграция и проблемы безопасности в Центральной Азии // Демократические процессы в Центральной Азии: опыт и перспективы / Под ред. Асылбека Айдаралиева и др. Бишкек, 1998.
- Омаров 2001 Омаров Н. Миграционные процессы в Кыргызской Республике в годы независимости: итоги десятилетия. Бишкек, 2001.
- Омаров 2003 Омаров Н. Этническое измерение процесса демократических реформ в современном Кыргызстане // Этнический мир. 2003. № 19.
- Омаров и др. 1998 Омаров Н., Махновский В. Миграционные процессы в Кыргызстане: современные тенденции и перспективы // Центральная Азия. 1998. № 1.
- Отчет 1996 Отчет Региональной Конференции по рассмотрению вопросов беженцев, недобровольно перемещенных лиц, других форм недобровольных перемещений и возвращающихся лиц в странах СНГ и соответствующих соседних государствах. Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, Международная Организация по миграции, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Женева, 1996.
- Панарин 1999 Панарин С. Этническая миграция в постсоветском пространстве // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. М., 1999.
- Первый курултай 1996 Первый курултай народа Кыргызстана. Бишкек, 1996.
- Предварительное заключение 2004 Предварительное заключение 4-й встречи Иссык-Кульского диалога по миграционной политике стран Центральной Азии, Кавказа и соседних государств (26–29 января 2004 года, г. Бишкек) // Текущий архив представительства Международной организации по миграции в Бишкеке, январь 2004. Инв. № 124.
- Преступность 1998 Преступность среди беженцев и нелегальных мигрантов в Кыргызской Республике (1993–1997 гг.). Бишкек, 1998.
- Проблемы 1997 Социально-экономические проблемы миграции населения Кыргызской Республики (1991–1996 гг.). Бишкек, 1997.
- Пядухов 1996 Пядухов Г. Киргизия: политический фактор как причина вынужденной миграции // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / Московский Центр Карнеги. Вып. 11. М., 1996.
- Рыбаковский 1996 Рыбаковский Л. Центральная Азия и Россия: межгосударственный миграционный обмен // Миграция русскоязычного населения из Центральной Азии: причины, последствия, перспективы / Московский Центр Карнеги. Вып. 11. М., 1996.
- Сведения 2004 Сведения о беженцах, зарегистрированных в Кыргызской Республике, по состоянию на 1 января 2004 года // Текущий архив Жогорку Кенеша (парламента) Кыргызской Республики, 2004. Инв. № 5.
- Уровень 1996 Уровень жизни населения Кыргызской Республики. Статистический сб. Бишкек. 1996.
- Центральная Азия 1996 Центральная Азия в движении // Беженцы. 1996. № 6.

N.M. Omarov. The Ethnic Situation and Migration Processes in Post-Soviet Kyrgyzstan

The author analyzes migration processes in post-Soviet Kyrgyzstan and argues that they have undergone marked evolution within the last decade. Following the collapse of the Soviet Union, these processes started assuming an increasingly spontaneous and uncontrollable character. However, beginning with the second half of year 1994, the trend began to change as a result of coherent policies that were implemented by the country's government with the support of a number of Kyrgyzstan's CIS partners and international organizations. Possible ways of improving these policies, controlling migration processes, and normalizing interethnic relations in the country are discussed in the article.